

Она замолчала на мгновение, а затем снова посмотрела на Сяо Яньцзы, в чьих глазах читалось ожидание, а на щеках играл легкий румянец.

Эта бесхитростная девчонка, казалось, начала понимать чувства, что возникают между мужчиной и женщиной.

Конверт помогла подписать Цзы Вэй, но в графе отправителя оставили место для Сяо Яньцзы. Та затаила дыхание, словно совершая какой-то священный ритуал, и необычайно медленно, с предельной торжественностью вывела три иероглифа: Сяо Яньцзы.

Бумагу аккуратно сложного, вложили в конверт и запечатали сургучом.

Сяо Яньцзы бережно держала его на ладони, разглядывая снова и отново, словно какое-то хрупкое сокровище.

Словно завершив великое дело, она держала письмо, и ее глаза сияли: Завтра с утра снова отправлю Сяо Дэнцзы...

Резиденция ученого.

Эр Тай проснулся спозаранку. Глядя на светлеющее восточное небо, он неожиданно вспомнил испуганное, заплаканное лицо на вчерашнем плацу и ее холодные пальцы, вцепившиеся в его рукав. Какой-то уголок его души словно обжгло тем слезом и теплом, оставив тонкое, непривычное ощущение нежности, смешанное с неотвязным чувством вины перед ней: в конце концов, он ее испугал.

Лекари использовали лишь лучшие снадобья, а у тех, кто занимался боевыми искусствами, внешние раны заживали всегда быстрее.

Пока он размышлял об этом, к нему неспешно подошел Эр Кан, держа в руках непримечательный матерчатый сверток.

В хорошем духе? — Эр Кан окинул его взглядом и протянул сверток. — То, что ты просил, собрано.

Эр Тай взял его, развернул и увидел внутри несколько стопок криво переписанных Наставлений для женщин. Уголки его губ приподнялись: Благодарю за труд, старший брат.

Пустяки. — Эр Кан присел на каменный табурет рядом с ним, наблюдая, как тот пересчитывает листы, и вдруг произнес: — Ты насчет Сяо Яньцзы... — Тон его был ровным, уловить в нем какие-то эмоции было трудно.

Движения Эр Тая едва заметно замерли, но тут же вернулись в норму. Он аккуратно сложил бумагу и заново туго обернул ее тканью: Она чувствует себя виноватой из-за того, что я пострадал, да к тому же Император велел ей переписывать книги, вот на душе у нее и скребут кошки.

Объяснение было исчерпывающим, а тон — непринужденным, не выдавая ни малейшего подвоха.

Эр Кан посмотрел на него и не стал больше ничего говорить, лишь легко хлопнул по плечу: Решай сам, как знаешь. А матушка велела передать, чтобы ты немедленно шел к ней завтракать и пить лекарство.

Едва он умолк, как статная матушка из окружения Фуцзинь уже ждала неподалеку. С улыбкой на лице, но с непреклонным выражением она произвела: Второй господин, Фуцзинь приказала передать, что сегодня вам все еще необходим покой. Император проявил милосердие и даровал вам несколько дней отпуска, так что раны нужно залечить как следует, чтобы не осталось хворей. Завтрак уже готов, и отвар сварился, извольте следовать за старой служанкой.

Эр Тай тяжело вздохнул: зная, как сильно мать переживает за него, и не смея спорить, он послушно пошел за матушкой в основные покои, где позавтракал, а затем под личным надзором матери до последней капли выпил горькое лекарство, от которого у него сводило брови.

То-то же. — Фуцзинь удовлетворенно кивнула и еще раз наставительно велела ему не геройствовать и как следует поправляться, прежде чем отпустить обратно в свой внутренний двор.

Едва он переступил порог кабинета, как слуга из усадьбы быстро вошел внутрь, неся две вещи, с трудом сдерживая улыбку: Второй господин, из обители Шуфан снова передали вещи!

Первой оказался обычный ларец с едой, а второй — чистый лист бумаги без каких-либо узоров.

Его сердце отчего-то легко затрепетало.

Оставляй. — Голос его звучал ровно.

Слуга положил вещи на письменный стол, благоразумно удалился и тихо прикрыл за собой дверь.

В кабинете воцарилась тишина. Эр Тай сначала открыл ларец: внутри лежали несколько изысканных придворных пирожных. Затем он перевел взгляд на то самое письмо.

На конверте красовалось Лично в руки второму господину Фу, выведенное рукой Цзы Вэй, но

те три кривых, но до боли знакомых иероглифа в правом нижнем углу — Сяо Яньцзы — заставили его кончики пальцев слегка запылать прикосновением.

Он сорвал печать и вытащил послание.

Стоило ему взглянуть на него хоть раз, как он замер.

Это... разве можно назвать письмом?

Почерк можно было назвать разве что диким и необузданным: иероглифы разного размера торчали в разные стороны, имя Эр Тай было написано огромными буквами, занимая чуть ли не целую строчку, а все остальное — то мельчало, то увеличивалось, а тушь то темнела, то бледнела. Строки шли криво, а столбцы — и вовсе как заблагорассудится. Некоторые знаки были замазаны, про форму и говорить нечего: ключик в иероглифе боль вышел убогим донельзя, а черты в иероглифе лекарство жались друг к другу так тесно, будто смертельно ненавидели соседей.

Но эта ужасающая до слез бумага обладала поистине магической силой, пригвоздив взгляд Эр Тая на месте.

Он едва дыша, слово за словом, с трудом, но с превеликим удовольствием разбирал написанное:

Эр Тай, у тебя спина все еще болит? Лекарство горькое? Я попросила Минъюэ приготовить немного пирожных, ты их ел? Сладкие? А те мази, ты ими пользовался? Помогают?

Никаких обращений, никаких приветствий, никаких пожеланий в конце, даже знаков препинания не было.

Эр Тай словно наяву видел, как Сяо Яньцзы, пытаясь написать это письмо, просидела под лампой невесть сколько времени, извела кучу бумаги, сто раз нахмурила брови и, пожалуй, даже с досады ломала кисть.

И все это лишь для того, чтобы спросить его: болит ли, горько ли, сладко ли, помогает ли.

Так просто, так прямолинейно, так неуклюже и в то же время так искренне.

Незнакомое, горячее, щемящее чувство без предупреждения поднялось из самых глубин его сердца, мгновенно затопив все разумные доводы и показное избегание.

Пожалуй, это было первое письмо, написанное ею в жизни.

Она писала его не для того, чтобы благодарить Императора, не для того, чтобы жаловаться Цзы Вэй, и даже... не для Юн Ци.

Она писала его ему, Фу Эр Тай.

Уголки его губ уже помимо воли изогнулись: сначала едва заметным изгибом, затем шире и, наконец, разрешились тихим, радостным смешком, родившимся где-то в груди.

Он долго смотрел на огромные иероглифы его имени, словно сквозь эти кривые росчерки мог разглядеть миловидную фигурку, прикусившую кончик кисти, с нахмуренными бровями и, возможно, с пятнышком туши на носу или щеке, сидевшую прошлой ночью при свете лампы в обители Шуфан.

Затем он протянул руку и нежно провел пальцем по краю бумаги, бережно складывая ее по первоначальному сгибам.

Закончив с этим, он снова взял одно из пирожных и откусил маленький кусочек. Было очень сладко — сладость эта разлилась по самому его сердцу.

За окном прекрасное утреннее солнце заливало двор, и щебетали птицы.

Эр Тай подошел к письменному столу, растер свежую бумагу, растер тушь и поднял кисть.

Кончик кисти завис над поверхностью бумаги, замернув на мгновение.

Что же написать? Поблагодарить за мазь и сладости? Успокоить, чтобы она не терзалась виной? Рассказать, что раны зажили и ей не о чем беспокоиться? Пообещать, что, как только он полностью поправится, он сразу же приедет во дворец навестить ее?

Он опустил кисть: почерк вышел привычно собранным и подтянутым, но в нем проступало нечто неумовимо мягкое:

Сяо Яньцзы: Выпечку получил, очень сладко, пришлось кстати. Рана в порядке, не переживай... — Эр Тай помедлил, скомкал исписанный лист, взял другой и вывел: — Сяо Яньцзы: Твои угощения и мазь получил. Пирожные очень сладкие, благодарю за беспокойство. Пожалуйста, не тревожьтесь, рана заживает, я уже могу немного помахать мечом. В свертке также лежат переписанные Наставления для женщин, надеюсь, они помогут тебе справиться с нынешними трудностями. Проведи эти дни спокойно в обители Шуфан, а как только рана затянется полностью, я приду навестить тебя.

Закончив писать, он взял те стопки скопированных Наставлений для женщин, что помог раздобыть Эр Кан, и положил их рядом с ответом.

Эй, кто там! — позвал он.

Слуга тут же откликнулся и вошел.

Доставь эти две вещи, — Эр Тай протянул матерчатый сверток, сохраняя привычно спокойный тон, — в обитель Шуфан и передай тому, кому доверяешь рядом с принцессой Хуаньчжу. Скажи... — он замялся, — что в резиденции отыскиались прописи для копирования, которые пойдут ей на пользу при переписывании книг.

Слуга принял ношу обеими руками и, склонив голову, отозвался: Слушаю, второй господин может не сомневаться.

Эр Тай медленно выдохнул и прикрыл глаза. Та легкая, светлая и искренняя улыбка, что еще не до конца исчезла с его губ, казалась особенно отчетливой в лучах яркого утреннего солнца.

Пожалуй, ему стоило всерьез обдумать то, о чем говорил Эр Кан.

Ответное письмо Эр Тая.

Сяо Яньцзы подошла непривычно рано. Точнее говоря, она всю ночь проспала тревожно, сердце ее билось в груди, словно испуганный заяц, и стоило рассвету забрезжить на горизонте, как она распахнула глаза и прислушалась ко всем звукам снаружи.

Когда Цзы Вэй и Цзиньсо вошли с чашечками свежесваренного жасминового чая, перед их взорами предстала Сяо Яньцзы, которая металась по комнате из угла в угол, словно взволнованный зверек, то и дело припадая к дверной щели. Она притронулась лишь к одному хрустальному пельменю с креветкой — своему любимому утреннему блюду.

Ой, перестань ты уже кружить, моя дорогая принцесса Сяо Яньцзы, от твоих хождений у меня в глазах рябит, — не выдержала Цзиньсо.

Цзы Вэй поставила чашки на стол, а в ее голосе прозвучала понимающая улыбка: Маленький Денечек уже отправился с письмом, в пути тоже нужно время, успокойся немного, съешь завтрак, а потом продолжишь переписывать Наставления для женщин.

Сяо Яньцзы виновато протянула: Ой, — и, тяжело вздохнув, села за стол. Она машинально сделала глоток чая, тут же обожгла язык и забавно высунула его, но мысли ее были явно далеко отсюда.

Цзы Вэй села напротив, взяла пальцы для вышивания, но иголку в руки брать не стала. Она просто с улыбкой смотрела на нее. Видя, как Сяо Яньцзы не находит себе места, ее собственные догадки превратились в полную уверенность. Конечно, Юн Ци был прекрасен во всех отношениях, но Сяо Яньцзы была права, проявляя осторожность: живя в императорском

семействе, он нес на плечах слишком много груза. Он не мог позволить себе принадлежать одной лишь Сяо Яньцзы, и если бы та осталась в стенах дворца, втягиваясь в интриги и борьбу с другими, то, пожалуй, спустя несколько лет от нее осталась бы лишь горькая память.

Время тянулось невыносимо долго. Сяо Яньцзы то жаловалась, что солнце движется слишком медленно, то переживала, не упал ли Маленький Денечек по дороге, то вертелась перед зеркалом, поправляя прическу, которая и без того была в полном порядке.

Цзы Вэй лишь с улыбкой слушала ее, изредка утешая парой слов, а на душе у нее было светло и безмятежно.

Наконец, ближе к полудню, за дверью послышались знакомые шаги и приглушенный, полный радости голос Маленького Денечка: Принцесса! Принцесса! Вещи забрали и принесли обратно!

Сяо Яньцзы едва ли не подпрыгнула и вихрем вылетела к дверям, чуть не столкнувшись нос к носу с Маленьким Денечком, который заносил ношу внутрь.

Осторожнее же! — с упреком покачала головой Цзы Вэй.

Но Сяо Яньцзы было уже не до того: ее глаза в упор смотрели на неприметный синий сверток в руках евнуха. Быстрее! Дай сюда! — она протянула руки.

Цзы Вэй помогла развязать сверток, достала послание и передала его нетерпеливой подруге. Сяо Яньцзы торопливо вскрыла конверт и извлекла бумагу. Читать она толком не умела, а потому протянула ее Цзы Вэй. Та бегло окинула взглядом строчки, и лицо ее озарилось облегченной и довольной улыбкой: учитывая образованность Эр Тая, написать столь простое и понятное письмо было для него непросто — ради того, чтобы Сяо Яньцзы смогла все понять, ему пришлось изрядно поломать голову.

Видя, что Цзы Вэй молча улыбается, Сяо Яньцзы нетерпеливо поторопила ее, и та мягко зачитала вслух: Сяо Яньцзы: Твои угощения и мазь получил. Пирожные очень сладкие, благодарю за беспокойство. Пожалуйста, не тревожьтесь, рана заживает, я уже могу немного помахать мечом. В свертке также лежат переписанные Наставления для женщин, надеюсь, они помогут тебе справиться с нынешними трудностями. Проведи эти дни спокойно в обители Шуфан, а как только рана затянется полностью, я приду навестить тебя.

Пока Цзы Вэй читала послание, Сяо Яньцзы вытащила из свертка те самые аккуратные стопки исписанной бумаги. Любопытно вытащив один лист, она широко распахнула глаза: это были Наставления для женщин! Быстро пролистав их, она насчитала ровно десять экземпляров — этого более чем хватит, чтобы отделаться от гнева Отца-Императора!

Это... — Она показала стопку бумаг Цзы Вэй.

Та с улыбкой кивнула: Зная, что ты ломаешь голову над этим, он попросил кого-то переписать их за тебя. — Сделав паузу, она взглянула на кривые строчки и добавила со смыслом: — Такая забота и внимательность поистине бесценны.

Сяо Яньцзы хотела было что-то сказать, но поняла, что никакие слова не смогут выразить бурю чувств, бушевавшую в ее груди в этот момент. В конце концов все свелось к глуповатой, но лучезарной улыбке.

Она бережно сложила письмо, вернула его в конверт, прижала к груди пачку Наставлений для женщин и, смеясь до зажмуренных глаз, закружилась по комнате, взметая подолом платья, словно радостная бабочка. Больше не придется ломать голову! Цзы Вэй, посмотри, сколько их! Этого точно хватит, чтобы отчитаться перед Отцом-Императором! — ликовала она, и в голосе ее звучало чистое, ничем не омраченное счастье.

Глядя на ее неприкрытую радость, Цзы Вэй искренне улыбнулась в ответ. Такая живая, настоящая, доверявшая кому-то всем сердцем Сяо Яньцзы была именно такой, какой ее хотелось видеть.

Однако это переполнявшее через край счастье внезапно прервал ворвавшийся Юн Ци.

Сегодня он проснулся ни свет ни заря, в мгновение ока расправился с заданными наставником уроками и поспешил в обитель Шуфан.

Вчерашнее происшествие на плацу не давало ему покоя: испуганное, полное жалости лицо Сяо Яньцзы, окровавленная спина Эр Тая и гнев Императора — все это будоражило его мысли.

Он хотел навестить ее, поговорить, возможно, помочь с переписыванием книг.

Его шаги были легкими и торопливыми, но когда он, не дожидаясь доклада, вошел в главную залу обители Шуфан, открывшаяся картина заставила улыбку мгновенно застыть на его губах.

Сяо Яньцзы стояла спиной к дверям. В руках она держала письмо и стопку бумаг, уголки ее губ были приподняты в сладкой и сияющей улыбке, а глаза, обычно живые и озорные, излучали нежный, струящийся свет, какого Юн Ци никогда прежде в них не видел.

То было выражение абсолютного счастья, смешанного со смущением, доверием и восторгом, окутывавшее ее словно сияющим ореолом, — до того прекрасное, что казалось нереальным.

Цзы Вэй стояла рядом, молча наблюдая за ней, а на ее лице играла понимающая улыбка, полная немного одобрения и благословения.

Шаги Юн Ци замерли на самом пороге. Он не слышал, о чем они говорили, но царившая здесь атмосфера вонзилась в его незащищенное сердце холодной иглой.

Что это у нее в руках? Кто ей это прислал? Почему это заставляет ее так сиять? С тем самым... никогда прежде не достававшимся ему всепоглощающим восторгом? Неужели это Эр Тай? Почему она вчера побежала на плац, и почему Эр Тай защищал ее?

Бесчисленные вопросы и догадки вихрем пронесли в его голове, смешиваясь с затаенной паникой и болью, в которых он сам себе не смел признаться.

Он знал каждую улыбку Сяо Яньцзы — веселую, лукавую, капризную, даже виноватую после какой-нибудь шалости... но такой он не видел никогда.

Краска постепенно сходила с его лица, а легкие доселе шаги стали тяжелыми.

Сяо Яньцзы... — Юн Ци переступил порог, тяжело ступая, а вид его был угрюмым и скованным.

Заметив, что Юн Ци хочет о чем-то поговорить с Сяо Яньцзы, Цзы Вэй помогла спрятать конверт и Наставления для женщин во внутренних покоях, а Цзиньсо уже давно тихонько ускользнула наружу, оставив это пространство стоявшей друг напротив друга паре.

Юн Ци стоял перед Сяо Яньцзы. Между ними было всего несколько шагов, но казалось, будто их разделяют невидимые горы и реки.

Глава 17: Ответное письмо Эр Тая

Глава 18: Ты мой брат

Сяо Яньцзы, — начал он хрипловатым голосом, стараясь говорить ровно. — Я... я хочу поговорить с тобой...

Сяо Яньцзы не смотрела на него, чувствуя себя неуверенно. Она знала, что этот день настанет, но разве он не должен был наступить после истории с бросанием вышитого шара? Или ее возрождение из мертвых что-то изменило? Главное, она сама еще не была к этому готова: как ей поговорить с Юн Ци так, чтобы все объяснить и не ранить его, или попытаться отделаться шутками? Нет-нет, если не объясниться прямо сейчас, между ними троими так и останутся неловкость и противоречия.

Сяо Яньцзы, — голос Юн Ци от сдерживаемых сильных эмоций слегка осип, но звучал чисто, как удары нефритовых пластин друг о друга. — Я очень долго прятал эти слова в сердце. Раньше мне казалось, что впереди еще много времени, раз ты рядом, никуда не денешься. — Он замялся, глубоко вздохнув, словно набираясь храбрости. — Думал, подожду, пока вы с Цзы Вэй займете свои истинные места, а потом во всем тебе признаюсь. Но в последнее время мне кажется, что ты отдаляешься от меня все сильнее. Я боялся... что, если не скажу сейчас, будет поздно.

С того дня в охотничьих угодьях, когда я подстрелил тебя, с тех пор, как ты неуклюже ворвалась во дворец и вечно попадала в неприятности, и до тех пор, когда мы чудом спасались... Мы пережили столько нелепых, невероятных вещей. Видя твою улыбку, твою прямоthu... — Юн Ци шагнул вперед, пытаясь поймать ее взгляд, и заговорил горячо и страстно: — В моем сердце ты — вовсе не пожалованная Императором принцесса Хуаньчжу. Ты — та самая девчонка, что лазала по деревьям, дралась, смеялась во все горло и бросалась на помощь обиженным. Ты попадаешь в беду — я разгребаю твои проблемы; тебе грустно — я переживаю больше всех; ты счастлива — и мне кажется, что все на свете имеет смысл...

Сяо Яньцзы подняла голову и спокойно посмотрела на него. В ее взгляде больше не было прежней зависимости, капризов или озорства — лишь пугающая, почти отчужденная ясность: Для меня ты, как и Эр Кан, — мой... мой невероятно дорогой старший брат, тот, кто заслонит меня собой от любой беды, сколько бы бед я ни натворила.

Старший брат? — Юн Ци, словно пораженный этими двумя словами, яростно покачал головой и попытался шагнуть вперед, чтобы взять ее за руку, но она незаметно отступила. — Нет! Сяо Яньцзы, мои чувства к тебе никогда не были братскими! Никогда! — В его голосе прозвучали неуловимая паника и боль, голос зазвучал громче, наполненный несомненной страстью: — Я знаю, во дворце полно правил, знаю, что ты не любишь ограничения, знаю, что тебе кажется, будто рядом со мной придется терпеть обиды. Но Сяо Яньцзы, клянусь, я защищу тебя всем, что у меня есть, выстрою для тебя целый мир! Тебе не придется учить эти нудные правила, не придется пресмыкаться перед теми, кто тебе неприятен, будь просто собой — той самой счастливой Сяо Яньцзы. Я могу испросить у Отца-Императора высочайший указ, я могу...

Юн Ци. — Сяо Яньцзы наконец подняла голову, прерывая его все более пылкую речь. — Посмотри на меня. Я — безродная девчонка невесть откуда, не знающая правил и умеющая лишь навлекать беды. А кто ты? Пятый принц Великой Цин, самый ценный сын Императора...

Я могу отказаться от всего! — Юн Ци выкрикнул это изо всех сил, его глаза покраснели. — Пятый принц, имперский статус — мне ничего из этого не нужно! Когда мы со всем разберемся, мы уйдем отсюда, куда пожелаешь! Только мы вдвоем, заживем как самая обычная семейная пара, согласна?

Отказаться? — тихо повторила она, и в ее памяти мелькнули слова Благородной супруги Юй во Дворце Юнхэ перед самой ее смертью в прошлой жизни, а еще тот короткий кинжал, испускавший холодный блеск.

А если твоя матушка станет угрожать тебе собственной смертью?

Эти четыре слова Сяо Яньцзы произнесла очень тихо, но они прозвучали словно отравленный кинжал, безошибочно вонзившись в самую слабость Юн Ци, в то место, где у него не было никакой защиты.

Краска вмиг слетела с лица Юн Ци. Он пошатнулся, отступив на полшага назад, словно получив тяжелый удар в грудь, и издал короткий сиплый звук, будто у него перехватило

дыхание.

Угрожать собственной смертью...

Эти четыре слова звучали как худшее проклятие и самое жестокое предсказание, мгновенно стирая в пыль все его пламенные, безрассудные обещания, что он излил секунду назад.

Он открыл рот, собираясь возразить, сказать, что его матушка так не поступит, что он сможет выстоять, что их чувства победят все... но слова застряли в горле, не в силах вырваться наружу.

<http://bllate.org/book/22027/2290102>